

Г.Д. Гурвич

БУДУЩНОСТЬ ДЕМОКРАТИИ¹

О демократии как идейной системе стало очень принято говорить в прошлом времени. Кто только в наши дни не стремится построить своей карьеры на уверениях, что демократия при смерти. «La feue d'йmocratie», как выразился один французский автор... Разговоры о «кризисе демократии» успели даже набить оскомину. Впрочем, демократию хоронят так усердно и с такой энергией, что невольно приходит мысль, что она еще жива, — не только как реальная политическая сила, но и как идеология «Мертвый в гробе мирно спи»... «De mortibus aut nihil, aut bene». То ли дело с демократией! Противники с пеной у рта доказывают, что она исчадье всех зол. Философы как дважды два устанавливают, что демократия индивидуалистична, механистична, атомична, наконец, что она именно и есть настоящее сатанинское человекобожество. Юристы и историки указывают на связь демократии с якобинской идеологией, с централизмом, с неограниченностью власти, с этатизмом. Политики распространяются на тему о крушении парламентаризма, вне которого демократия немислима. Коммунисты обличают в ней буржуазный предрассудок, евразийцы — специфическое германо-романское изобретение, фашисты — слабосилие и интернационализм...

Справедливы ли все эти упреки? И чем заняты все эти обличители? Действительно ли они хоронят мертвеца или стремятся удавить живого и на их взгляд чересчур живучего? Не потому ли они так страстно нападают на демократию, что она и не думает дряхлеть, а только лишь собирается окончательно выпутиться и вступить в зрелый возраст? В чем, однако, может состоять зрелость демократии, в чем ее будущность?

Таковы вопросы, на которые мы собираемся вкратце ответить в настоящей статье. При этом мы будем иметь в виду не те или иные демократические институты, а самую сущность демократии. Нас будет интересовать не столько морфология демократии, сколько ее принципология — ее основы и потенции больше, чем осуществленные воплощения, ее возможности, задания и будущность больше, чем свершенный уже в прошлом путь.

I

В чем сущность демократии?

В господстве ли большинства над меньшинством, как определяли ее преимущественно в древности? В принципе ли равенства, как особенно подчеркивали во время Французской революции? В утверждении свободы каждого отдельного лица, зафиксированном во всех демократических декларациях прав?

¹Современные записки. Т. XXXII. Париж, 1927. С. 326–355.

Или, быть может, демократия сводится к неотчуждаемости народного суверенитета? Или к принципу «политического релятивизма», позволяющему беспрепятственное сосуществование множества идеологических систем в одной нации (Кельзен)?

Достаточно мало-мальски внимательно всмотреться в историю демократических идей, чтобы убедиться, что даже чисто внешним образом демократию невозможно описать при посредстве подобных упрощенных формул. *Сущность демократии несоизмеримо сложнее и синтетичнее*, и чтобы только подойти к ней, необходимо обнять в определении целую совокупность, цельную гамму элементов.

В сознании нового времени демократическая идея выкристаллизовалась благодаря слиянию воедино трех разобщенных и возникших независимо друг от друга идейных течений; каждое из них в отдельности и отрыве от всех прочих вовсе не приводило непосредственно к демократической идеологии, которая родилась лишь в виде синтеза, установившего подвижное равновесие между тремя взаимно друг друга восполняющими и видоизменяющимися элементами. Этими тремя элементами, слившимися впоследствии воедино, были: а) *идея народодержавия*, выдвинутая в нашу эру впервые ранними католическими публицистами в борьбе против светской власти и преданная затем проклятию папским престолом, поскольку она, начиная с Марсилия Падуанского, обратилась против иерархической структуры католической церкви; б) *идея равенства*, выдвинутая впервые нивелирующей политикой абсолютной монархии в борьбе против феодализма и углубленная затем школой естественного права XVII века (в особенности Гоббсом), которая от равенства перед законом перешла к идее равенства в правах; в) *идея свободы личности*, ставящей предел власти, выдвинутая впервые английскими индипендентскими сектами, подхваченная и углубленная левеллерами и развитая подробно Локком. Однако под «народом» первоначально понималась лишь высшая знать; равенство в правах толковалось как равенство во всесии в естественном состоянии и равенство в бесправии в государственном; а свобода личности по большей части вовсе не связывалась с идеалом равенства.

Только когда все эти три линии скрестились, когда удалось впервые найти формулу соединения всех трех элементов воедино, родилась первая истинно демократическая идеология. Она сразу же выступила как сложный синтез, как подвижное равновесие между идеей свободы и равенства на основах народодержавия. Руссо, впервые формулировавший этот синтез, сам указывал на его неокончательный характер, сравнивая решаемую проблему с квадратурой круга, допускающей лишь приближенные решения. Свое глубокомысленное учение, что нет равенства без свободы (ибо свобода есть содержание истинного равенства) и свободы без равенства (ибо свобода, не ограниченная равной свободой всех прочих, есть произвол) и что их сочетание возможно только на основе самоуправления всех и каждого, Руссо связал со сравнительно упрощенным и неприемлемым в наши дни абстрактным пониманием синтезируемых элементов. Все они нашли в его доктрине воплощение в виде «*volonté gñйrale*» – тождественной у всех индивидов разумной сущности, которая выявляется путем всеобщего голосования, постольку оно не затемнено какими-либо частными группировками. *Volonté gñйrale* равна у всех, и свобода каждо-

го есть выявление не его специфичности, а его разумной воли, совершенно одинаковой у всех индивидов.

За XIX век идеи равенства, свободы, народодержавия чрезвычайно углубились. Свобода стала пониматься более конкретно, как хотя бы частичное выявление индивидуального своеобразия. Равенство – более качественно, не только, как формальное равенство, но и как до известной степени материальное равенство, равенство возможностей. Народный суверенитет стал толковаться не как заранее готовая и сложившаяся народная воля, а как нечто заданное и искомое, как иррациональная стихия, омывающая государственные органы, которые должны быть так организованы, чтобы быть открытыми для всех колебаний народных настроений, отмечая их подобно тому, как беспроводный телефон волны радиа... Мудрено ли, что при перемещении всех элементов, из которых слагался демократический синтез в конце XVIII века, его старые формулы перестали удовлетворять? Однако достаточно вспомнить, что демократическая идеология с самого своего возникновения означала лишь подвижное равновесие между тремя разными ингредиентами, чтобы это явление ни в малейшей степени не в состоянии было смутить. Изменились и усложнились конститутивные элементы – должна измениться и формула их взаимного равновесия. Нужно ли подчеркивать, что подобное изменение, подобные поиски нового синтеза углубленных идей свободы, равенства, народодержавия сами по себе отнюдь не могут рассматриваться как симптом разложения, а, скорее, наоборот, выступают как симптом жизнеспособности, вящего торжества и дальнейшего расцвета демократической идеологии...

При такой постановке вопроса само собой наметилось отличие сущности демократии от форм ее исторического воплощения. В отсутствии этого разграничения – одна из основных ошибок всех современных рассуждений о демократии. Ее противники очень облегчают себе задачу критики демократической идеологии, выдавая ее интерпретацию в XVIII веке за необходимое и единственно возможное обнаружение ее сущности. Совершенно бесспорно, что Руссо дал чисто индивидуалистическое обоснование демократии и что в XIX веке реакция против индивидуализма принимала зачастую антидемократическую форму (от Сен-Симона к Марксу и от Местра к Гегелю и Шталю). Но весь вопрос именно в том и состоит, вытекает ли односторонний индивидуализм из самой сущности демократической идеологии или, напротив, он был только той исторической призмой, в которой она преломлялась, быть может, не без прямого ущерба для некоторых из своих составных элементов.

Критиковать атомизм и индивидуализм XVIII века значит в настоящее время ломиться в открытую дверь. Существенен вопрос, можно ли делать за него ответственной демократию и действительно ли преодоление индивидуализма равносильно преодолению демократии.

II

Для ответа на эти вопросы необходимо проанализировать эйдетическую сущность тех элементов, подвижное равновесие которых составляет демократический синтез. Из трех составных частей демократической идеологии только одна идея личной свободы имеет определенно выраженный индивидуалисти-

ческий характер. Напротив, ни принцип народодержавия, ни идея равенства не связаны органически и неизбежно с индивидуализмом. Конечно, можно истолковать народ как механическую сумму тождественных индивидов, а равенство как чисто количественное уравнение разобщенных особей. Однако такое понимание не только не является обязательным, но, несомненно, находится в противоречии с самой сущностью соответственных принципов, выступающих здесь, так сказать, в умаленном и ущербленном виде.

На самом деле, в чем специфичность идеи народодержавия, в отличие от других конститутивных элементов демократии, если не в виде некоего *органического целого*, почерпающего в себе самом принцип своей жизни. Является ли народная воля чем-то готовым или только искомым, народ, как таковой, самоуправляющаяся совокупность заинтересованных, есть всегда живая *соборность*, *согрус*-тело и именно в этом своем качестве, как символ надличного (сверхперсонального) единства призывается к решению. Более того, идея *Целого*, организма, конкретной системности нигде не находит столь чистого выражения, как в демократическом принципе народодержавия. Все виды социально-политической иерархии (в частности, монархии), которые часто пытались обосновывать с точки зрения универсализма и органического мировоззрения, по существу, представляют собой разрыв *целостной связи*, нарушение духа соборной солидарности, разъединение и отрыв некоторых индивидуальных элементов и противопоставление их целому. Это классически ясно зафиксировано в средневековых учениях о «*rex*» и «*regnum*» (*populus*), где именно «*regnum*» представляет начало органической целостности, а «*rex*» – оторванную особь. Обосновывать органологически иерархию возможно только благодаря грубейшему смешению биологического организма с этической и социальной органичностью. Нравственно-социальная целостность как организм взаимно друг друга порождающих индивидуальных самосознаний, как конкретная система лиц есть максимальная из мыслимых противоположностей началу иерархии. Соборное единство приводит к органическому, солидарному равенству всех сочленов в целом. Иерархия здесь есть прямое разложение единосущной соподчиненности самосознаний надличной целостности. Принцип народодержавия выступает как высшее напряжение соборного единства, как истинное воплощение своеобразной нравственно-социальной органичности. Попытка немецкой формально-юридической школы подменить идею народного суверенитета принципом суверенитета государства-личности, одним из органов которого является народ, была, с точки зрения философской, ничем иным, как плохо скрытым покушением на соборность и органичность. Целое здесь подменивалось индивидом в увеличенном размере; на место сложной надличной (трансперсональной) системы здесь ставилось простое единство – новая личность, рассматриваемая в лупу. Универсализм извращался в консервативный сверхиндивидуализм.

Итак, демократия может с величайшим спокойствием относиться к упрекам в индивидуализме; в одной уже идее народодержавия – *самоуправляющейся соборности* – потенциально дано такое высокое напряжение идеи целостности, в ее наиболее чистом виде, какого не встретить ни в одном ином социально-политическом воззрении.

Но не только через идею народоправства, но и через идею равенства в демократической идеологии эйдетически устанавливается связь с целым. Изо-

лированных особей не имеет никакого смысла уравнивать. Равенство предполагает общение лиц – сочленов целого. Оно указывает принцип организации целого и определяет взаимное положение сочленов в их отношении к объединяющему их соборному единству и между собой. Главный смысл идеи равенства есть утверждение равного значения и равной связанности всех сочленов в нравственно-социальном целом. *Равенство есть, прежде всего, функция целого.* Неравенство означает отрыв, отъединение от соборной связи. Нравственно-социальная соборность и равенство в этом смысле неразрывны.

Равенство по отношению к единству целого вовсе не означает тождества сочленов между собой. Наоборот, равное значение в целом может быть связано с абсолютно своеобразным характером каждого и с его особым призванием, особой функцией в целом. Равенство в этом смысле означает *равноценность* личностей и их конкретно-индивидуальных призваний, соучаствующих в порождении целостного единства в качестве его незаменимых элементов. Идея равенства, прежде всего, подчеркивает особый характер нравственно-социального целого, как мы уже отмечали, глубоко отличный от всех других видов целостной связи. Целое здесь есть живая риза лиц, конкретная система самосознания, самоценных «я». В нравственно-социальном целом сочлены не являются производными элементами из единства, точно так же, как единство не представляет собой чего-либо вторичного. Здесь имеется полная равноценность частей и целого, координация единства и множества, взаимно порождающих друг друга, *синтез индивидуализма и универсализма.* Идея равенства подчеркивает, прежде всего, этот синтетический характер нравственно-социальной целостности, эту равноценность лица и целого и в этой связи равное значение всех в целом.

Даже злейшие враги демократии, вроде немецкого вдохновителя наших русских евразийцев О. Шпанна, не могут отрицать, что идея равенства представляет сочетание индивидуалистических и универсалистических элементов. Шпанн только стремится уверить читателя, что такое сочетание невозможно и что идея равенства есть уклончивое образование [1, S. 56–62]. Он может это утверждать только потому, что сам он не идет дальше чисто механического столкновения между индивидуализмом и универсализмом и совершенно игнорирует самое существование нравственной проблематики и связанного с ней извечного стремления человеческой мысли к синтезу универсализма и индивидуализма, представляющему последний предел всех философских исканий. От ранних философов Возрождения к Лейбницу и от Лейбница к Фихте тянется эта линия, тяготеющая к синтезу. Если он возможен, то и в идее равенства нет никакого противоречия. Она служить живым символом связи и гармонического сочетания между соборностью и свободой личности, и именно через нее становится особенно ясно, что глубочайшей философской предпосылкой демократии является синтез индивидуализма и универсализма.

Стремясь установить истинный смысл идеи равенства, мы взяли ее в ее высшей потенции, в ее значении равноценности сочленов в целом. В этом своем аспекте равенство имеет преимущественно качественный характер. Неизмеримые по своим качественным отличиям личности равноценны в своем своеобразии по отношению к целому. Таков нравственный смысл понятия равенства. Но равенство имеет и чисто правовой аспект, и последний является, по

существу, преобладающим. В частности, равенство как конститутивный элемент демократической идеологии есть, прежде всего, равенство в правах. Правовое же равенство включает в себе количественные моменты и предполагает известную степень одинаковости. Эти элементы и пугают, главным образом, противников демократии. Они с ужасом указывают на то, что правовое равенство всех подводит под один ранжир, механически уравнивая тупицу и гения, безграмотного и ученого, героя и труса и т.д., и в конечном итоге означает торжество посредственности.

Чтобы разобраться в этих упреках, необходимо разграничить целый ряд вопросов здесь безнадежно смешиваемых: 1) Вытекает ли количественный характер правового равенства из идеи равенства или из самого принципа права, через призму которого здесь идея равенства проводится? 2) Действительно ли правовое равенство есть равенство чисто количественное? 3) Наконец, являются ли исторически осуществленные формы правового равенства исчерпывающими, или существуют потенциально другие возможности, при которых качественный момент может получить более важное значение?

Прежде всего, не может быть никакого сомнения, что количественный момент органически связан с самим принципом права. Право тем и отличается от нравственности, что оно обобщает нравственную качественность, сводит конкретно-индивидуальную нравственную заповедь к общей норме, на место неповторимо-незаменимой нравственной личности ставит общий тип правового субъекта. Основная проблема права есть проблема замирения гармоничных в идеале, но эмпирически противоборствующих реальных «я» и реальной соборности, замирения на началах общности и количества, под покровом которых нравственность только и может расписывать свои сложные конкретно-индивидуальные узоры. Право есть рационализация нравственной иррациональности, переход от чисто качества к количеству. Право рассчитано на человеческое несовершенство, на разъединение между идеалом и действительностью, между которыми оно посредствует, готовя путь для реализации нравственности. Эмпирическое общежитие без права есть всегда насилие, произвол и деспотия. Только общежитие святых может обходиться без права и руководствоваться одними лишь качественными критериями, не впадая в абсолютное их отрицание. Но если признать, что только под оболочкой и защитой права может развиваться и расцветать своеобразие и конкретная качественность, то именно во имя последних следует признать необходимость количественных критериев в общежитии, вне которых право не может производить своей замиряющей работы.

Таким образом, не может быть никакого сомнения, что количественный характер правового равенства проистекает вовсе не из идеи равенства, а из самой сущности правовой позиции. Отрицать количественное равенство совершенно – значит отрицать самую идею права. Пусть противники демократии скажут это прямо и честно: их непримиримая вражда к демократии имеет своим последним источником отрицание права! Если же они проповедуют правовое неравенство, то они непоследовательны, ибо последнее не устраняет количественного критерия внутри каждой привилегированной группы (например, все феодалы, независимо от их конкретной индивидуальности – представители общего правового типа); и, вместе с тем, оно приводит к разобщению и разъединению социальной целостности, соборное единство которой поддерживается равенством в правах.

Мы разъяснили, по какой причине правовое равенство включает в себя количественные элементы. Другой, однако, вопрос, являются ли эти элементы исчерпывающими, т. е. действительно ли равенство в правах означает чисто количественное равенство. Достаточно всмотреться в правовую жизнь любой страны, осуществившей демократические принципы, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно. Равенство в правах никогда не означало простого количественного уравнения. Во-первых, для осуществления предоставленных всем одинаковых прав от граждан требуются определенные качества: зрелый возраст, здравый ум, судебная неопороченность; во-вторых, для исполнения ряда общественных функций (например, учителя, профессора, инженера, судьи и т.д.) требуется особая качественная подготовка, предоставляющая специальные права; наконец, начала представительного строя и избирательной системы стремятся дать возможность выделить, путем широчайшим образом организованного отбора, лучших по качеству, которым в связи с избранием представляются особые права. Качественный критерий, следовательно, отнюдь не отрицается при правовом равенстве, он только сочетается с количественным принципом таким образом, чтобы качество не было произвольным даром, возникшим в силу случайности рождения (как при иерархии), а объективно, в интересах соборного целого, определяемым и общедоступным средством приобретения прав. Да как могло бы быть иначе, поскольку правовое равенство есть средство реализации равноценности качественно-своеобразных лиц и остается в неразрывной связи с идеей целого.

Но если равенство в правах вовсе не есть чисто количественное равенство, а допускает известное применение качественных критериев, то отсюда логически следует, что в разные эпохи равновесие между этими элементами может перемещаться. Механистически-индивидуалистическая интерпретация демократии в стиле Руссо и Французской революции находила это равновесие в безграничном преобладании количественных элементов. В процессе поисков нового демократического синтеза современная мысль стремится усилить качественные элементы в правовом равенстве. Идеи пропорционального и профессионального представительства, федерализма, территориального и персонального самоуправления национальных меньшинств и т.д. — все это разные способы введения в правовое равенство новых качественных критериев. На основе известных объективных качеств (принадлежности к одной профессии, своеобразной национальной группе, определенной географической местности, политической партии и т.д.) граждане здесь объединяются в специальные группы, наделяемые равными правами. С одной стороны, такой способ организации означает дальнейшее развитие идеи количественного равенства, прогресс уравнительного идеала: не только отдельные индивиды, но и качественно различные группы наделяются здесь равными правами. С другой стороны, в процессе этого уравнения вводятся новые качественные критерии, и разным типологическим качествам дают возможность непосредственного правового проявления. Следовательно, прогресс в осуществлении правового равенства здесь сопровождается возрастанием качественных элементов, которые, однако, в пределах правовой организации никогда не смогут получить преобладания над количественными.

Как видим, демократическая идеология и принцип равенства в правах отнюдь не должны означать механистической нивелировки: они отдают дань количеству, лишь поскольку этого требует идея права, с которой они органически связаны. Они не только служат гарантией, обеспечивающей возможность расцвета конкретно-качественных индивидуальностей, но и сами являют собой сочетание количественных и качественных моментов. Здесь с новой стороны проявляется синтетический характер идеи равенства, олицетворяющей путь гармонизации соборного и личного начала.

Из трех идей, подвижное равновесие коих составляет извечную сущность демократии, только одна идея свободы воплощает в себе чисто индивидуалистическое начало. Без свободы нет личности. Без личности нет нравственно-социальной соборности. Удушение свободы поэтому равносильно не только убийству личности, но и целого, превращаемого в мертвую, давящую громаду. Принцип свободы решает проблему об отношении между целым и каждым отдельным сочленом. Он устанавливает, в чем должна заключаться отдельность сочлена, вне которой этот последний рискует потерять личность. Без свободы демократия то же, что воздух без кислорода. Народоправство и равенство без свободы теряют всю свою специфичность и впадают в грубое извращение собственной сущности. Через идею свободы демократическая идеология утверждает себя именно как синтез индивидуализма и универсализма, а не как односторонний универсализм.

Идея свободы, подобно идее равенства, имеет несколько аспектов. Как нравственная свобода она есть свобода творческого порыва, самостоятельного соучастия в творческой соборности. Как правовая свобода она есть, прежде всего, некая граница между целым и личностью, некий предел для воздействия целого на личность, внутри которого последняя определяется самостоятельно. В целях обеспечения возможности подъема на высоты материальной творческой свободы, каждая личность через правовую свободу в известном отношении предоставляется самой себе. В этом и только в этом отношении правильна характеристика демократии, как «системы политического релятивизма», данная Кельзеном. Это не значит, ни что основанием демократии является философский релятивизм, ни что демократия не заботится о высших проблемах духа, оставаясь «к добру и злу преступно равнодушна». Это значит лишь, что демократическая идея гражданской свободы охраняет личность от всяческого абсолютизма искусственно ей навязываемых идеологий, подобно тому, как она охраняет вместе с тем самые эти идеологии от недопустимого их принижения до принудительных мероприятий правительства. Система политического релятивизма в демократии аналогична принципу «негативной теологии» Абсолютного в философии¹. Она не только не отрицает Абсолютности, но стремится расчистить к ней путь, не допуская абсолютизации относительного и принижения Абсолютного до уровня относительного. Демократия защищает правовую гражданскую свободу и политический релятивизм именно ради высших запросов духа, получающих возможность всеобъемлющей реализации только через их посредство.

¹ См. подробно об «отрицательном богословии» в философии в моей книге [2].

Противники демократии часто нападают на нее во имя свободы. При этом под свободой они имеют в виду конкретно-индивидуальную нравственную свободу и совершенно игнорируют правовую свободу. Здесь лишний раз подтверждается, что за их враждой к демократии скрывается принципиальное отрицание идеи права. Конечно, правовая свобода есть свобода некоего общего типа, а не непосредственная свобода качественного своеобразия. Будучи свободой правовой, она не может не включать в себя элементы количественности и общности, неразрывно связанные с правовой сферой. Однако именно под покровом правовой свободы свобода конкретного своеобразия может развиваться с особой интенсивностью; потенциально она постоянно наличествует внутри правовой свободы. С другой стороны, и здесь, как в правовом равенстве, элементы конкретности и качественности до известного предела могут и актуально соучаствовать в конституировании правовой свободы. Те же методы групповой организации, о которых мы уже упоминали и, в особенности, развитие многоплановых потенциалов демократии, распространяющейся на новые не политические области (см. ниже), позволяют ввести некоторые элементы индивидуального своеобразия в организацию правовой свободы. Множественность специфических правовых кругов и групп, в которых призывается принимать участие одно и то же лицо, способствует выявлению его многогранности и, следовательно, его своеобразия. Через групповые организации правовая типология становится более конкретной и качественной. Свобода личности получает в них нового защитника, способствующего обнаружению конкретной индивидуальности. Но здесь мы забегаем вперед, в область будущего демократии...

III

Мы пришли к двум заключениям. Во-первых, что истинной философской предпосылкой демократической идеологии является не односторонний индивидуализм, а синтез индивидуализма и универсализма. Во-вторых, что между демократией и идеей права существует некая интимная, органическая связь. Она много раз представляла перед нами, но корень этого взаимоотношения остался неясненным. Теперь необходимо точно определить, в чем состоит это неразрывное соотношение.

Прежде всего, необходимо отметить, что демократию и право связывает единство метафизических предпосылок. Односторонний индивидуализм и односторонний универсализм одинаково подрывают возможность правопознания и приводят к отождествлению права с силой. В индивидуалистических системах право как начало немислимое без общежития совершенно исключается за пределы нравственно ценного; оно рассматривается, как некая чисто внешняя узда, «*Maschinenwesen der Polizei*», по выражению Канта, намордник, одинаково пригодный для людей и чертей; по существу, следовательно, это механическая сила. К тому же выводу приводит противоположная крайность — односторонний универсализм. Если индивидуализм исключает право совершенно за пределы этики, то универсализм, наоборот, растворяет право в нравственности и ставит между ними знак равенства: он превращает этику в философию права, — например, у Платона и Гегеля. В результате не право поднимается на высоту нравственности, а, наоборот, последняя пригнетается на низший уро-

вень, которому, однако, приписывается весь абсолютизм нравственных требований. Абсолютизм нравственных требований, перенесенный на право, приводит к культу безусловно-принудительного порядка, воплощенного в государстве, которое ставится над правом, обращаемым на службу фактической государственной мощи. Так смыкается круг, и право снова оказывается слитым с силой. Только синтез универсализма и индивидуализма, следовательно, дает возможно-ценную область. Только на основе этого синтеза уясняется сущность права как предварительного замирения личности и соборности, готовящего путь их нравственной гармонизации. Синтез индивидуализма и универсализма является, таким образом, пределом и первоосновой и демократии, и права.

Будучи неразрывно связаны через свои философские предпосылки, демократия и право неразлучимы и в процессе своей реализации. Демократия есть необходимый и единственно возможный путь для реализации права в общественной организации. Господство права, суверенитет права есть путеводная звезда демократии. Демократия отличается от всех других форм организации тем, что структура власти для нее неотделима от проблемы подчинения власти праву. Организация власти и защита права для демократии не два разных, а один и тот же вопрос. Власть лишь тогда власть, когда она служит праву, когда она действует в рамках и в согласии с правом, когда она является чисто правовой функцией – таков основной принцип демократической организации. Это прекрасно было создано уже первым создателем демократического синтеза – Ж. Ж. Руссо. Принцип «*volonté g n rale*» есть для него воплощение правовой идеи, квинтэссенция правосознаний, и воля народа – *volont  de tous* – только тогда закономерная власть, когда она руководствуется велениями правовой «*volont  g n rale*». Основная идея Руссо есть идея суверенитета права¹. Да как могло быть иначе, поскольку народовластие рассматривается как необходимый способ реализации свободы и равенства. Во всех других идеологиях и способах организации власть и право разобщаются между собой, и в лучшем случае между ними заключается компромисс (например, конституционная монархия). Недемократическая власть есть неправовая и сверхправовая власть. Она есть та область отношений, куда не проникает правовое регулирование и где господствует произвол. Все учения о сверхправовом, метаюридическом характере власти суть антидемократические учения. Воспитание уважения к безличным нормам права есть главная добродетель демократии. В нем, в частности, великая историческая миссия уже осуществленных форм демократического бытия. Процесс демократизации – в подчинении всех актов, сохранивших иерархический характер, правовому режиму. В этом отношении судебная проверка законности всех без исключения действий администрации, получившая особен-

¹ Доказательству этого положения автор настоящей статьи посвятил особую работу под названием «Руссо и Декларация прав» [3]. Если эта сторона учения Руссо менее всего была воспринята его непосредственными последователями, то причину этого следует искать, во-первых, в том, что Руссо слишком полагался на совпадение воли народного большинства с требованиями права, а в случае расхождения предлагал сразу такую крайнюю меру, как восстание, игнорируя такие институты, как судебную проверку конституционности законодательных актов и административную юстицию, во-вторых, в том, что он не различал между правом естественным и положительным, наконец, – в его индивидуализме (см. ниже).

но широкое развитие во французской административной юстиции, есть величайшее торжество демократии. Акты частных лиц, публичных корпораций, чиновников, правительства все уравниваются между собой в равной их зависимости от права и в их подчиненности суду.

Лассаль был глубоко прав, когда воскликнул в одной из своих знаменитых речей: «Die Demokratie – und das ist ihr Stolz – hat allein das Recht von Recht zu sprechen. Bei der Demokratie allein ist alles Recht» [4, S. 550]. Действительно, вне демократии нет никакого другого способа проникновения права в структуру общественной организации. Это пронизание правом организационно-властных отношений связано с подчинением их особой разновидности права – праву социальному, вытесняющему в этой сфере конкурирующее с ним индивидуальное право, которое прикрывает здесь лишь произвол, насилие и иерархию; так что, с чисто юридической стороны, демократию можно будет определить как установление суверенитета социального права внутри общественной организации.

Демократия и право суть две стороны одного и того же явления. Без права нет демократии. *Если есть будущность у права, то она есть и у демократии.* Если демократии суждено погибнуть, то это означало бы величайшее ущербление правовой идеи, величайший регресс влияния права в общественной жизни в пользу низших стихий. Демократия может спокойно взирать вперед. Ее судьбы суть судьбы культурного человека, не могущего развиваться вне правовых гарантий. Закат демократии равносителен закату культуры и общей деградации. Здесь нужно выбирать. Предрекать гибель демократии значит ожидать близкую смерть всей человеческой культуры. Если же верить в ее дальнейшую жизнь и развитие, логически необходимо признавать и верить в будущность демократии.

IV

Предыдущее имело целью уяснить, каковы общие основы и потенции демократии. Мы пытались доказать, что идеологическая структура демократии такова, что она не может не иметь будущности. Теперь естественно поставить вопрос, *в чем эта будущность*, в каком направлении развиваются дальнейшие пути демократии. Мы все время настаивали на различии между сущностью демократии и формами ее исторического воплощения, постоянно подчеркивая, что демократия есть *подвижное* равновесие между ее тремя конститутивными элементами. На очереди вопрос, в каком направлении перемещается ныне этот подвижный демократический синтез.

Здесь, прежде всего, чрезвычайно важно восстать против одного очень распространенного предрассудка, в значительной степени обуславливающего все нападки на демократию со стороны юристов и историков. Когда демократию обвиняют за ее централизм и стремление к всекомпетентности политического представительства, когда из неспособности государственной организации справиться со всеми задачами, которые она на себя берет, выводят оскудение и бессилие демократии, совершают одно очень существенное смешение: произвольно ограничивают область действия демократии одной лишь политической областью и делают затем демократию ответственной за недочеты этатизма –

непомерного преобладания государственной организации, получившей, со времени монархического абсолютизма, преувеличенное значение в правовой и социальной жизни.

Но где доказано, что демократия есть принцип исключительно политической организации? Действительно ли демократия повинна в чрезмерном усилении государства за счет общества?

Мы дали такое описание демократии, которое применимо к любой общественной организации, к любой группе заинтересованных. В принципе демократии нет ничего специфически политического. Самоуправляющаяся на началах равенства и свободы соборность реализуема всюду, где имеются объединения людей. Она может служить организационным принципом общества в такой же степени, как и государства, и она исторически уже прилагалась, например, к церковному строю (индепендентские секты и т.д.). В наше время демократия завоевывает все новые области общественной жизни. Она проникает внутрь хозяйственных предприятий. Она приводит к ограничению произвольной власти хозяев на фабриках представительством от рабочих. Она осуществляется внутри каждого профессионального союза и каждого кооператива и в их объединениях. Она вызывает к жизни новые органы чисто экономического самоуправления, вроде немецкого Reichswirtschaftsrat'a и французского Conseil National Economique. Со всех сторон говорят о демократии производителей и потребителей, об «индустриальной демократии» наряду с демократией политической. «Экономическое общество» — хозяйство становится особой областью применения демократических идей. Идея хозяйственного парламента, построенного на непосредственном представительстве заинтересованных сторон (производителей, потребителей, руководителей хозяйственного предприятия), разбитых по отдельным отраслям индустрии и по профессиям, носится в воздухе. Демократия начинает организовывать общество на началах права, подобно тому, как она некогда организовала на тех же началах государство. Последовательное развитие демократии приводит к тому, что нарушенное в эпоху нового времени равновесие между государством и обществом начинает восстанавливаться в пользу общества. Универсальность и многопланность демократии проявляется не только в начавшемся процессе демократизации хозяйства. Наряду с хозяйственной демократией все более четко обозначается зарождение международной демократии. Политическая демократия, изнутри уравниваемая демократией хозяйственной, вовне все более ограничивается и поддерживается демократией международной. Международное общение и международная организация — чем ярче сознают себя особой, независимой от отдельной государственной воли правовой областью, тем более они тяготеют к демократической организации. Лига Наций при всех своих современных органических недочетах есть первый шаг в этом направлении. План децентрализации Лиги Наций по географическим континентам в целях уравнивания больших государств и малых при конституировании центрального органа Лиги есть дальнейший шаг в сторону международной демократии.

Наконец, наряду с нарастанием хозяйственной и международной демократии, нельзя не отметить еще созданной мирными договорами демократии национально-культурных меньшинств, представляющей особую, отличную от политической форму демократии.

На вопрос, в чем будущность демократии, прежде всего напрашивается ответ: *будущность демократии в ее многопланности и универсальности, в ее проникновении во все новые области человеческих отношений, в ее выходе за пределы одной лишь политической организации.* Здесь предстоит еще длинная эволюция и долгая борьба за демократизацию. В частности, как мы увидим, доведенная до конца хозяйственная демократия есть социалистический строй. Противоречия между социализмом и демократией, настоятельная потребность социализма в демократизации возникли исключительно благодаря произвольному ограничению демократического принципа одной лишь политической областью, неспособной демократически организовать хозяйство. Ибо демократическая организация государства, ставшего *хозяйном*, ничего не имеет общего с хозяйственной демократией: гражданин, производитель и потребитель имеют каждый свои особые интересы, способные вступать в конфликт и нуждающиеся в особых формах демократической организации.

Не только соборность, но и каждая отдельная личность, как нам уже приходилось отмечать, чрезвычайно выигрывает от многопланности демократии. При ее посредстве не только умножаются виды социального сцепления, но и качественно обогащается личность. Многопланности демократии соответствует многогранность личности. При взаимном восполнении разных видов демократии, уравновешивающих друг друга – при групповом многообразии – легче становится примирить более конкретно понятую личную свободу с более материально понятой идеей равенства, столь резко сталкивавшихся между собой в политической идеологии XIX века. Универсальность и многогранность демократии еще в гораздо большей степени, чем новые системы политического представительства, указывают путь нового демократического синтеза, который ищет XX век.

V

Особо стоит вопрос, в чем будущность специально политической демократии. С одной стороны, в согласии со сказанным, она не может не состоять в отказе от своей всекомпетентности в пользу других разновидностей демократии, в частности, демократии хозяйственной и международной. *Соотношение между различными видами демократии само должно быть организовано демократически.* Множественность функционально отличных самоуправляющихся целых (государственная соборность, хозяйственная соборность, международная соборность и т.д.) должна быть поставлена в равное положение и соотноситься между собой на началах координации, а не субординации. Какие новые демократические органы потребуются для реализации такой системы, решать преждевременно, ясно, однако, что на первый план должна будет выдвинуться автономная судебная организация, построенная на паритетных началах. Политическая демократия, разгруженная от своей всекомпетентности, только выиграет от этого в своем значении и весе и сможет расцвести с новой силой, выступая как хранительница идеальных и духовных запросов нации и держа в своих руках аппарат безусловного принуждения.

В частности, парламентаризм, ослабленный ныне не только чрезвычайным усложнением партийных группировок, но еще в гораздо большей степени необходимостью для правительства заниматься чисто техническими проблемами,

связанными с хозяйством, сможет, при условии освобождения политической демократии от всеобъемлющих функций, вступить в полосу чрезвычайного подъема. Парламентаризм столь же уместен в чисто политической демократии, как он совершенно неприемлем в области демократии хозяйственной. Решение проблемы парламентаризма, выход из его кризиса – в новом разделении властей между государством и обществом, между политической и хозяйственной демократией.

С другой стороны, встает вопрос о направлении, в каком предстоит развиваться системе *политического* народного представительства. Этот вопрос ни в коем случае нельзя смешивать, как это часто делают, с проблемами хозяйственной демократии. Принципиально вполне допустимо, чтобы последняя строилась на началах группового, индустриального, профессионального представительства, а политическая демократия оставалась организованной на началах представительства общегражданского. Если различные виды демократии призваны разрешать качественно разные проблемы, то естественно им быть организованными по-разному. Действительно, политическая демократия, служа наиболее общим интересам сочленов национального целого и объединяя их на почве максимального их единства, органически связана с идеей *гражданина как такового* и, следовательно, с принципом общегражданского представительства. Именно с точки зрения утверждения многопланности демократии, чрезвычайно важно, чтобы личность могла проявлять свою организационную волю многогранно и, следовательно, не только как производитель, потребитель и т.д., но и просто как гражданин. Политическое профессиональное представительство может, следовательно, без противоречия мыслиться лишь как *восполнение общегражданского представительства, а не в замену ему*, что означало бы, по существу, уничтожение политической организации.

Дополнительное введение профессионального представительства в политической области имеет нижеследующие основания: 1) Оно решает, прежде, всего, вопрос о демократической организации верхних палат политического представительства, поскольку уничтожение последних признается нежелательным и опасным. 2) Оно призывается для консолидации политической общности, чрезмерно разрыхленной благодаря далеко ушедшей вперед профессиональной дифференциации. 3) Оно дает и в политической области возможность найти некоторое примирение между конкретной индивидуальностью и равенством, внося индивидуализацию в процесс уравнивания, что достигнется путем своеобразной группировки равных. 4) Но главная проблема, которая решается профессиональным представительством в политической области, есть создание некоего промежуточного звена и контрбаланса между политической и хозяйственной демократией. Верхняя палата политического парламента, организованная профессионально, мыслится как некий буфер, препятствующий чрезмерно резкому столкновению независимых друг от друга государственной и хозяйственной общности. Конечно, эта проблема может стать актуальной только при полном развитии институтов хозяйственной демократии и ясно обозначившемся процессе революции современного государства.

Поэтому даже для Западной Европы система политического профессионального представительства только еще начинает становиться на очередь дня. Что же касается России, то она здесь в ближайшие десятилетия не может иметь

никакого актуального значения. Прикрывающая диктатуру коммунистической партии советская система, по существу, не имеет ничего общего ни с хозяйственной демократией, ни с политическим профессиональным представительством. «Совнархоз» есть чисто административный, назначаемый правительством орган и от него всецело зависит. Система советского представительства, не говоря уже о том, что она построена, по существу, на законсовещательном начале, исходит из прикрепления избирателя к общим группам (деревня, волость, фабрика и т. д.) и гораздо более напоминает сословно-куриальную систему, действовавшую в свое время в Пруссии и частично у нас в России, чем профессиональное представительство. Она имеет вдобавок специальной целью создать искусственное преобладание города над деревней, вне которого, в виду абсолютного перевеса крестьянского населения в России, советская система на 9/10 должна была бы слиться с общегражданским представительством.

После свержения коммунистической диктатуры в России рано или поздно станет абсолютно необходимым возврат к нормальному типу политической демократии на основах общегражданского представительства. Отсутствие прочно сложившейся профессиональной дифференциации, а тем более, устойчивых корпораций европейского типа при абсолютном преобладании однородного «мужицкого» элемента делают в ближайшие десятилетия политическое профессиональное представительство в России и не нужным, и не возможным. Ненужным потому, что решаемые этим способом проблемы могут стать здесь реальными лишь в отдаленном будущем, невозможным потому, что оно было бы чисто искусственной, из подражательности западным исканиям навязанной системой, для которой в России нет еще достаточных предпосылок. Послебольшевицкая Россия с ее преобладающим «среднеазиатским» населением, по существу, будет представлять классическую среду для реализации идеалов так называемой механической демократии, организованной исключительно на началах общегражданского представительства. Она имеет свою особую историческую миссию в России, где еще опыта демократии вообще произведено не было: не воспитано уважение к безличным нормам права, не развито правосознание, вне которого об углублении демократии не может быть и речи. В пореволюционной России актуальной и необходимой будет борьба за традиционные формы политической демократии, за территориальный федерализм и за зародыши новых форм хозяйственной и национально-культурной демократии. За жупел политического профессионального представительства будет цепляться лишь демагогия реакционеров справа и слева, именно потому, что в ближайшую эпоху подобная система в России заведомо неосуществима.

VI

Чтобы закончить наши соображения на тему о конкретном будущем демократии, необходимо еще остановиться на одном вопросе. Мы попытались показать, что демократия отнюдь не ограничивается одной лишь политической областью, что она несоизмеримо шире и что будущность демократии, прежде всего, в ее универсализации и многопланности, так что временные затруднения демократии в одной области (например, политической) могут с лихвой искупаться ее расширением и развитием в другой области (например, хозяйственной и

международной). Мы оставили, однако, еще без ответа упрек демократии в том, что она исторически повинна в усилении государства за счет общества и в непомерном централизме. Как можно, скажут нам, ожидать от демократии в будущем восстановления равновесия между обществом и государством, когда опыт прошлого доказывает прямо обратное: путь к этатизму лежал через демократию.

Это возражение основано на неправильном освещении исторических обстоятельств. Совершенно бесспорно, что демократия в своем первоначальном осуществлении, и, особенно, во Франции, приняла односторонний, государственный и централистский характер. Но весь вопрос в том и состоит, происходил ли этот централизм от применения демократических принципов или от *непреодоленной традиции монархического абсолютизма*, поддержанной особыми историческими условиями (необходимость завершить борьбу с феодальными пережитками). Токвиль в своей известной работе прекрасно показал, как много элементов старого режима перешло в новый строй. Одним из таких элементов совершенно бесспорно была якобинская страсть к абсолютной централизации, в которой они были верными преемниками монархии. «*La dѣmocratie rѣgalienne*», как метко выразился один французский автор (М. Леруа) — и только она одна — связала себя враждой к децентрализации и общественному самоуправлению. Какие могут быть сомнения, что источник этой вражды в прилагательном «*rѣgalienne*», а не в существительном «*dѣmocratie*»! Достаточно напомнить, что федералистические тенденции были очень сильны в начале французской революции и на них впоследствии пыталась опереться Жиронда в своей борьбе с Горой. И самая идея «свободной общины», лежащая в основе автономной системы местного самоуправления, была впервые выдвинута на основе демократических принципов докладчиком Национального Собрания Thouret и затем подробно развита Кондорсе. Федерализм и децентрализация несоизмеримо более соответствуют демократической идее самоуправляющейся на основах свободы и равенства соборности, чем централизм и этатизм — это дурное наследие эпохи монархического абсолютизма.

Если некоторые демократические течения и идеологи (в частности, сам Ж. Ж. Руссо) обнаружили противоположные тенденции, то это было не в согласии, а вопреки их демократическим принципам. Существенную роль здесь играло односторонне-индивидуалистическое обоснование демократии, приводившее к некоторому ее извращению. Именно через посредство механистического индивидуализма достигалось некоторое внешнее примирение между демократической идеологией и централистскими пережитками монархического абсолютизма. В индивидуалистической интерпретации соборность мыслилась как индивид в увеличенном размере, а ее самоуправление — как единая воля этого индивида, суммирующая права всех отдельных лиц. Вот почему становилось сравнительно легко сочетать самоуправляющуюся соборность с абсолютной концентрацией. Вдобавок само право толковалось чисто индивидуалистически, и не предусматривалось никаких других разновидностей права, кроме регулирующего отношения разобщенных центров («*relation avec autrui*»). Поэтому принцип суверенитета права, с самого начала положенный в основу демократии, не приводил ко всем тем следствиям, которые можно было бы ожидать: он не выражал, не охватывал, не проникал собой соборную целостность, а лишь под-

чинял ее себе в форме единого властвующего субъекта. Чтобы демократия могла выявить все свои истинно демократические потенции, чтобы она могла изжить до конца монархическое наследие и перестать быть в какой бы то ни было степени «*démocratie royale*», чтобы она могла осуществить свою многоплановость и универсальность и привести в равновесие государство и общество, — демократия должна быть очищена совершенно от индивидуалистических извращений. Для этого существенно важно преодолеть индивидуалистические предрассудки в правовой области, что должно будет привести к новому точному и исчерпывающему определению юридической природы демократии как суверенитета социального права. Этому определению мы и посвятим заключительную часть нашей статьи.

VII

Каждая группа, каждое соборное целое является источником нового объективного права и прямым участником возникающих на его основе отношений внутри себя самого. Будь это профессиональный союз или семья, клуб или фабрика, футбольная команда или акционерное общество, государство или лига наций, из самого факта определенного объединения проистекает новое право, обладающее некоторыми особыми свойствами. Если условиться это право, выводящее свою обязательность из нормативного факта любого соборного объединения, называть *социальным правом*, то ему логически необходимо будет противопоставить право, связанное с взаимоотношением разобщенных субъектов, — одного лица к другому, «*relation avec autrui*» — *право индивидуальное*. Каждая группа, внутри себя живущая на основе своего социального права, вовне может вступать в разобщенные отношения с другими группами или лицами (в том числе и с собственными сочленами) и здесь подчиняться индивидуальному правопорядку. Это деление права на социальное и индивидуальное не имеет никакого отношения ни к противопоставлению права объективного и субъективного, ни к традиционной классификации права на публичное и частное. И социальное, и индивидуальное право имеют объективную и субъективную сторону: в основе регулирования взаимоотношений разобщенных субъектов лежит объективный индивидуальный правопорядок, а объективный правопорядок, порождаемый соборной целостностью, немислим вне установления субъективных социальных прав (например, прав сочленства и соучастия и т.д.) участников группы. Деление права на публичное и частное зависит от государственной воли, которая в разные эпохи захватывает неодинаковые области права, придавая им публичный характер.

На то, что частное право постоянно содержит в себе, наряду с индивидуальным правом, обильные слои права социального, указывалось в литературе неоднократно (Гирке, Салейль и др.). Меньше обращали внимание, хотя это в некоторых отношениях еще более интересно, на то, что публичное право логически может включать, и, действительно, фактически весьма часто включает, существенные элементы индивидуального правопорядка. Эта *наличность внутри публичного права*, и в частности, государственного права, чужеродных политической соборности, рассчитанных на разобщенные отношения субъектов *норм индивидуального права есть признак антидемократизма соответственного*

государства. Возведение в публичное право некоторых индивидуально-правовых отношений прикрывает собой иерархическую структуру власти. Наоборот, очищение публичного права от всех примесей индивидуального права и сведение его к одному лишь социальному праву есть точное выражение юридического существа политической демократии. Переход от патримониальной монархии к современному правовому государству постоянно изображался как вытеснение элементов частного права из государственного организма и замена их публично-правовыми отношениями, в силу которых монарх – не собственник своего государства, а государственный орган. Однако здесь останавливались на полпути, упуская из виду, что публичное право как чисто формальное понятие отлично может включать в себя материальные индивидуально-правовые отношения. Конституционная монархия (особенно дуалистического типа) есть как раз простейший и очень типичный пример такой структуры публичного права. Индивидуальные правоотношения, фиксирующие отъединенность монарха от соборного целого, его взаимоотношения с другими представителями династии, его наследственное право и имущественное положение и т.д., входят здесь, в качестве составного элемента, в конституцию. Сталкиваясь, как чужеродное тело, с социальным правом, непосредственно излучаемым политическим объединением как таковым, и искусственно внедряясь в общественную организацию, индивидуальное право служит прикрытием произвола и сверхправовой власти.

Истинная формула «правового государства» есть решительное преобладание социального права над индивидуальным уже внутри публичного права. Точное юридическое определение политической демократии есть сведение публичного права к одному чистому социальному праву, порождаемому политической соборностью. Уже после того, как в организации верховных властей социальное право побеждает окончательно, в закоулках административной организации еще долго могут таиться элементы индивидуального правопорядка. Борьба за демократизацию администрации, за подчинение всех правительственных и административных актов судебному контролю сводится к полному вытеснению из государственной организации всех элементов индивидуально-правового усмотрения и к всемерному проникновению этой организации социальным правом. Точно так же отказ от идеи абсолютного суверенитета и всекомпетентности политической демократии есть, по существу, отказ от индивидуально-правовой (империалистической) конструкции государственного властвования и переход к социально-правовой концепции государства, согласно которой круг ее деятельности очерчивается правопорядком, вытекающим из функционального единства политической соборности.

Социальное право есть квинтэссенция демократии. Оно юридически концентрирует и воплощает в себе идею соборного самоуправления на началах равенства и свободы, оно требует их осуществления в организации, порождаясь само еще до всякого организованного расчленения соборного целого, из самого факта данного объединения. В каждой группе и каждой социальной ячейке можно ясно отличить самое объединение как таковое от надстраиваемой над ней организации – объективную «кинституцию» (Hauriou) от коллективного юридического лица, на нее опирающегося. Демократия есть такая структура этой организации, при которой она всецело определяется социальным правом,

излучаемым объективным объединением – целостным нерасчлененным общением, лежащим в основе каждой организации. Таким образом, не только демократия неразрывно связана с суверенитетом социального права, но и, наоборот, социальное право не может найти никаких других воплощений, кроме демократии: *демократия есть организованное социальное право и суверенитет социального права есть демократия.*

Это определение дает возможность особенно ясно продумать суть неполитических форм демократии и, в частности, демократии хозяйственной или индустриальной.

Возьмем для примера любую фабрику, торговое заведение, бюро при капиталистической системе. С одной стороны, в таком предприятии имеется некое объективное объединение людей для определенной цели (рабочих, служащих, хозяев – всех совместно); из этого объединения вытекает объективное социальное право, регулирующее взаимоотношение сочленов этого целого и, прежде всего, власть его над ними. С другой стороны, над этим объединением надстраивается известная организация, призванная выражать власть этого целого и точно определять функцию каждого сочлена. Эта организация при капиталистическом режиме, однако, не определяется социальным правом, излучаемым объединением. Собственник предприятия на совершенно других основаниях – именно, на основе индивидуально-правового отношения с другими собственниками, в связи с предоставленным ему кругом имущественных прав – произвольно устанавливает внутренний распорядок своего заведения, властвует над группой работающих у него людей, определяет их взаимоотношения и роль и т.д. Власть, которую целое, на основе социального права, имеет над своими сочленами, здесь используется и захватывается собственником при помощи индивидуального правопорядка, не включающего, как таковой, функции властвования. В организации капиталистического предприятия, таким образом, явственно смешивается социальное и индивидуальное право, с преобладанием второго над первым. Это дает тип господского союза, обращающего социальное право на службу индивидуальному праву и путем этого извращения достигающего сочетания индивидуально-правового отношения с властью над целым. Хозяйственная демократия есть не что иное, как восстание социального права внутри каждого предприятия против своего противоестественного подчинения чужеродному индивидуально-правовому отношению. Хозяйственная демократия стремится подчинить организацию предприятия социальному праву, порождаемому объективно-институциональным объединением, лежащим в основе этой организации. Всяду, где в процессе хозяйства возникает власть одних над другими, эта власть должна быть основана на социальном праве данной группы, а не на индивидуальном праве, прикрывающем здесь произвол. Таков конечный идеал хозяйственной демократии. Борьба за демократизацию индустрии сводится к стремлению постепенно вытеснить элементы индивидуально-правового отношения из организации предприятия, замещая их социальным правом. Достижимое здесь в пределах капиталистического строя можно сравнить с дуалистической конституционной монархией в области политической. Определение внутреннего распорядка предприятий путем коллективных тарифных договоров, фабрично-заводские комитеты, организующие представительство рабочих и служащих для участия в осуществлении дисциплинарной власти, рабочий контроль, соучаствующий в фабричной инспекции, нако-

нец, организация на паритетных началах органов экономического самоуправления, — все это лишь разные виды ограничения индивидуального правопорядка социальным правопорядком в структуре хозяйственной группы. Полное торжество хозяйственной демократии, т.е. совершенное вытеснение из организации предприятия индивидуально-правовых элементов и подчинение ее чистому социальному праву данной группы, равносильно установлению социалистического строя, т.е. такой системы, при которой из индивидуально-правового отношения собственности не могло бы возникать никакой власти над другими лицами и их объединениями.

Юридическая формула социализма, таким образом, совершенно тождественна юридической формуле демократии: суверенитет социального права. В их истинном выражении демократию и социализм незачем мирить: они представляют собой одно и то же. Социализм есть хозяйственная разновидность демократии. Демократия не может выявить своей истинной сущности и своих многогранных потенций, оставаясь в тисках индивидуализма.

Высказанное нами убеждение, что будущность демократии в ее многопланности и универсальности получает здесь новое подтверждение. Чем точнее мы представляем себе сущность демократии, тем богаче оказывается ее содержание и шире ее возможности. Это прекрасный прогноз для ее будущности.

Литература

1. Spann O. Der wahre Staat. 1921.
2. Gurvitch G. Fichtes System der Konkreten Ethik. Тьbingen, 1924.
3. Гурвич Г. Д. Руссо и Декларация прав. Петроград, 1917.
4. Lassal. Ges. Werk. Bd. I. 1893.